

НОВАЯ книга Александра Яшина называется «Совесть».

От стихотворения к стихотворению, где приглушенно, где чуть громче, где почти вскрикивая от боли, говорит он об одном и том же:

Не слабым слышу,
А в голос реву:
Туда ли плыву я?
Так ли живу?

Эта тревога ни на минуту не покидает поэта и составляет пафос его повитической исповеди:

От горя ушел,
От хвори ушел,
От смерти ушел —
От себя не могу.

Не всем в искусстве показан жанр исповеди. Для этого надо что-то значительное в себе иметь, иначе исповедь, кроме жалости и отвращения, в читателе ничего не вызовет. К счастью, Яшин, отважившись на повитическую исповедь, нигде не выставил себя в ничтожном свете. Его чувства и душевные тревоги значительны; они в лучшем смысле современны, они воюют за моральный кодекс человека коммунистического общества. Потребительское отношение человека к окружающему поэта же устраивает. Еле сдерживает Яшин свой гнев в адрес преуспевающего товарища, который говорит «правильные речи», а живет на пустыре:

Сколько лет мы видим этот дом —
Ни куста, ни дерева кругом.
Своего соседа не пойму,
Как же так:
Весь век в своем доме,
На земле родной,
Землею жить —

И не знать ее, не полюбить?
Очень занят? Некогда ему?
Хоть бы раз он руки натрудили
Если ни цветов, ни дерева,
Хоть бы редьку, что ли, посадил.
Вырыл бы канавку у крыльца:
В дождь не лужи были бы — ручей...

Самых правильных его речей
Не могу дослушать до конца:
Вдруг встает перед глазами дом
И пустырь...
Сухой пустырь кругом.

Книга Яшина не только о совести, но и о гордости, о достоинстве человека.

Я видел, как рукоплескали Яшину за стихи «Орел» на повитической дискуссии в Бухаресте минувшим летом. Даже перевод не мог сломать энергии и силы подлинника:

Из-за утеса, как из-за угла,
Почти в упор ударили в орла.
А он спокойно свой покинул камень,
Не оглянувшись даже на стрелка,
И, как всегда, широкими кругами,
Не торопясь, ушел за облака.
Быть может, дробь совсем мелка была —
Для перепелок, а не для орла?
Иль задрожала у стрелка рука,
И покачулся ствол дробовика?

Нет, ни дробинки не скользнуло мимо,
А сердце и орлиное ранимо...
Орел упал,
Но среди далеких снал,
Чтоб враг не видел,
Не торжествовал.

Душевную красоту и мужество, человечность, гуманность утверждает в своей новой книге поэт Александр Яшин.

Эта суровая, честная книга свидетельствует о зрелости поэта, который уже тридцать лет работает в советской поэзии. Не конец с пушком на губах, а зрелый муж признается читателю:

Ни к безверию, ни к сомнению
Не причастна душа моя.
Просто стало острее зрение:
Повзрослело мое поколение,
Вместе с ним повзрослел и я.

Об этом повзрослении говорит не только содержание стихов Александра Яшина, но и их поэтическая форма. Ритм новых яшинских стихов весь в раздумье, весь в

А. Яшин. «Совесть. Лирические записки». Издательство «Советский писатель», 1961.

СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРЫЕ ДЕЛА!

Виктор ВОКОВ

напряжении и в озабоченности услышать себя и свое время:

На Красную — у стен кремлевских —
площадь

Попозже приходите:
В ночь на ней
Стихает все,
Лишь ветер флаг полощет,
И ход часов истории слышней.

А лучше на рассвете:
Запах хвоя
Острей к утру, дневного гула нет.
Вы — в центре мира.
Грянет башня боем —
И символом становится рассвет.

Глубоко оптимистично дыхание этих строк, хотя и нет в них Яшина, автора «Шинели»:

В чистом поле и постель,
И шатер — моя шинель.
Если надо, в жгут свернется,
На ночёвье вытанется,
Ветер грянет,
Дождь польется —
Ты моя спасительница.

Молодое озорство стиха, которое даже длинное слово — спасительница — заставило пойти в пляс, уступило место строгим ритмам и большей сосредоточенности.

Александр Яшин ведет серьезный, глубокий разговор о жизни. Одно стихотворение кончается у него призывом:

Спешите делать добрые дела!

Поэт о поэте

А сделал ли доброе дело человек, который свой дом превратил в пустырь? А сделано ли добро мужем и женой, которые, не имея детей, сами играют в игрушки? А делают ли добро те, кто варварски губит природу, не думая о том, что она понадобится нашим потомкам?

А сделал ли добро человек, который вежливо стерпел раздраженность уставшей матери и успокоил ее:

Нашумела, накричала,
Настегала чем попало:
— Все постыло! Сил не стало!
Нет от вас житья! —
Села в угол, зарыдала
И просить прощенья стала...
Просто очень ты устала,
Ведная моя!..

Итак, утверждение добра — делами, словами, лаской, вниманием к человеку — вот то главное, что теперь хочет сказать зрелый поэт.

Желания не идут вразрез с нашим временем. Человечность человека — коммунистический лозунг, наш идеал. В цитируемом выше стихотворении «Красная площадь» есть строки:

Грянет башня боем —
И символом становится рассвет.

Да, время ведет бой! Бой за свои идеалы.

Недавно Спасская башня звоном своих курантов отмечала часы и четверти исторического времени XXII съезда партии.

Вопросы морали и коммунистической этики заняли видное место в выступлениях делегатов съезда. Отрадно, что и книга Александра Яшина участвует в этом разговоре.

МИХАИЛ СВЕТЛОВ ДРУЖЕСКАЯ РУКА НА ПЛЕЧЕ

ПОД ЛИРИКОЙ многие подразумевают рифмованное изложение чувств. В конце концов, такого мастерства трудно добиться. Стоит только научиться хорошо подражать. А в искусстве можно подражать чему угодно, только не темпераменту. Вот почему все слепые подражатели Маяковскому и следа о себе не оставили.

Поэтический голос Льва Озерова мне всегда нравился. Это был тихий голос хорошего человека. А вот новая его книга «Светотень» мне просто удивительно понравилась. Тридцать хороших стихотворений в одной книге — это очень высокий процент. Этой книгой Лев Озеров завоевал себе прочное место в советской поэзии.

Главное в книге — это ее точная афористичность.

Я бред по улице в мечтах
О сем, о том.
Я говорил себе: вот — свет,
А это — тень,
Дом, не наполненный
людьми,

Лев Озеров. «Светотень». Издательство «Советский писатель», 1961.

Еще не дом,
День, не заполненный
трудом,

Еще не день.
И вся книга полна таких хороших раздумий. Я нашел в ней несвойственный ранее Озерову юмор. Пусть это только шутка — его стихотворение «Читая классиков», — но она запоминается:

Сквозь пламень строк
душа пропущена.
Ну а царей-то помним
много ли?
Из Александров — только
Пушкина,
Из Николаев — только
Тоголя.

Конечно, не эти стихи главные в книге. Главное в ней — ясность мыслей и точность чувств. Нет у автора желания быть оригинальным во что бы то ни стало. Мне приходится читать стихи многих молодых поэтов. Многие из них, убегая от банальности, убегают и от жизненной правды, и убегают они все в одном направлении, так что начинают казаться, будто все эти стихи написаны одним человеком. Если можно так выразиться, получается банальное убежание от банальности.

А вот что пленяет в Озерове — это естественность его интонации. Никакими фокусами он меня и не пытается удивлять. Он просто положил мне руку на плечо и повел меня, читателя, по всей книге. Это очень большое достоинство поэта.

В каждой книге хороших стихов скрыт свой, пусть небольшой, но конфликт. Это не обязательно конфликт между поэтом и людьми, это еще, может быть, конфликт разных душевных состояний. И тогда книге не грозит монотонность, она становится интересной читателю.

Чувства-друзья в книге Льва Озерова не надоедают нам своим однообразием. Скажем, «Зачем нужна земная ось...» отличается от «В мастерской скульптора». Чуть перефразируя Маяковского, можно сказать, что стихи в книге хорошие и разные.

Я поздравляю Льва Озерова. Его новая книга — огромный шаг вперед. Есть в книге отдельные нарочитые стихи и строчки, но я не стану останавливать на них внимание читателя.